

У реки

Жалко, что я их убиваю. И совсем даже не из-за угрозы. С ними просто приятно играть. Они такие маленькие, что можно таскать в кармане. Ты же тоже любишь мышек?

Особенно пожирать.

Только представь себе: быть таким малюсеньким, чтобы протиснуться в щелку в земле и исчезнуть. Я бы тоже хотел так уметь, хоть иногда. На меня вечно обращают внимание, потому что я очень большой.

— Только посмотрите на него! — говорят вокруг и тычут пальцами.

Большим быть хорошо, когда нужно таскать бревна или грузить мешки с зерном, но когда тебе велят спрятаться, это совершенно некстати. Сейчас мне бы хотелось быть мышонком, а не человеком.

Помнишь Мирко, с которым мы в прошлый раз приходили? Я его жду. Это он посоветовал мне скрыться, спрятаться тут, у реки, если на ферме что-нибудь пойдет не так. Я до последнего не верил, что что-то может случиться, ведь уже две недели все было хорошо. А потом так получилось, что я слишком сильно обнял. Я этого не хотел.

Потому что она кричала. Девушка.

Не выношу крика.

Она была такой милой. Кажется, я ей нравился. Ее было приятно трогать — вся такая мягкая на ощупь. Если бы она поместилась в карман, я бы взял ее с собой.

Мирко — самый прекрасный человек из всех, кого я знаю. И в каком-то смысле единственный. По крайней мере, единственный, кто меня понимает. Если бы я когда-нибудь случайно причинил ему боль, я бы не знал, куда себя деть. Умер бы, наверное.

Мне хотелось бы быть похожим на того молодого человека с впалыми щеками и выпученными глазами, которого мы когда-то встретили. Никогда его не забуду. Мы повстречались, кажется, на одной из узких дорог на юге. Стояла невыносимая жара, и уже давно, так что вся долина пересохла.

Мы с Мирко укрылись в тени дерева и заметили, что к нам приближается мужчина. Он как-то странно волочил ноги по гравию, чуть не падал, но все же шел.

— Посмотри на него, — сказал я Мирко, — он же еле держится на ногах.

— И правда, — отозвался он и окрикнул мужчину: — Эй, дружище, тебе надо передохнуть. Посиди с нами в теньке, попей.

Мужчина остановился, но сколько бы Мирко ни зывал, тот не желал ни садиться в тени, ни брать воду. Он рассказал, что его невеста погибла в пожаре. И все это его вина. Голос у него был скрипучий, как у старого уставшего осла. Да он весь напоминал старого уставшего осла.

Он не рассказал, что такого натворил. А жаль. Мне бы хотелось узнать. Сказал только, что собрался идти навстречу солнцу, пока от жары и засухи не испарится его жизнь. Представляешь? Не знаю, как скоро он умер,

но уже тогда выглядел нехорошо. Глаза вылезали из орбит, будто спешили вперед него.

Он поплелся дальше. Много раз казалось, что вот еще немного, и рухнет наземь, а он все шел. Мирко говорил — пусть идет себе дальше. Обычно Мирко никому не позволял так страдать.

Мы долго сидели, смотря вслед прохожему, пока тот не превратился в мельтешащую черную мушку и, наконец, исчез в солнечном мареве.

— Неужели он правда хочет умереть, потому что не может жить без своей невесты? — спросил я потом Мирко. — Наверно, она была просто прелесть.

— Скорее дело в том, что он не может жить с чувством вины, — ответил Мирко. Больше об этом он говорить не желал и остаток дня провел в непривычном молчании.

Не хочу, чтобы меня сожгло солнце. Если появится желание умереть взаправду, должны быть способы получше. Можно, например, утопиться в реке. Если я сейчас прыгну туда, где глубоко, — умру мгновенно. Река разлилась, и вода гораздо выше, чем в прошлый раз. Наверное, поток подхватит меня и утащит к излучине у плакучей ивы. Я запутаюсь в корнях, торчащих из воды. Там меня и найдут. Мертвого, как та птица, в честь которой Мирко меня назвал.

— Она не просто мертвая, — говорит он. — Она вымерла.

Не знаю, сколько надо пролежать мертвым, чтобы вымереть. А что, если меня найдут, скажем, через неделю?

Птица называется маврикийский дронг. Мирко зовет меня Додо. Он говорит, это еще одно название той же птицы, но произносится легче, если нужно меня

позвать. А он это часто делает. Я не очень-то легок на подъем, наоборот — я от природы тяжелый. Немного большеват, говорит Мирко.

И иногда неловок.

Хорошо, он хотя бы перестал называть меня Леоном. Так меня звали, когда я был маленький. Иногда в темноте я лежу без сна, и мне слышится голос матери: «Леон, не надо. Нет, Леон, НЕЛЬЗЯ!» Так она говорила. Мне это не нравилось.

Еще она кричала.

Это было уже давно, я почти забыл. И не уверен, что хочу вспоминать.

Когда же Мирко объявится? Он обещал, что придет. А я пообещал, что спрячусь за кустами. Меня можно заметить только со стороны реки, да и то если ты, например, любопытная ворона, сидящая на ветке. Подлети поближе, чтобы я тебя разглядел. В тени тебя почти не видно.

Я ничего не делаю.

А вдруг после того, что случилось с девушкой, Мирко больше не хочет со мной возиться? Тогда придется утонуть. Но пока я просто жду. Мне не трудно посидеть и посмотреть на реку, сверкающую в лучах солнца. Так прекрасно, хоть и невыносимо жарко.

Вряд ли я снова надену рубашку когда-нибудь. Я не успел, когда убежал. Нельзя было медлить.

Послушай! Если хочешь утонуть, очень кстати не уметь плавать. Я как раз не умею — повезло. Мирко как-то пробовал меня научить, когда мы ездили к морю чистить кальмаров.

— Надо просто правильно двигаться, — говорил он, показывая, как толкаться ногами и грести руками одно-

временно. — Давай, Додо, это легко. Кальмары могут, и ты справишься.

Им-то только за щупальцами надо следить!

Меня и так все устраивало, так что я просто стоял по колено в воде и глазел на Мирко, пока он не сдался.

Ты бы видела танцовщицу, которую мы повстречали недавно в одном городишке. Подумать только, как она слаженно двигалась, вся целиком! Мирко сказал, что она и не такое вытворяет. Это было после того, как они ушли вдвоем в комнатку на втором этаже. Они там разговаривали.

Я в это время бродил вокруг и искал мышей в проулке за домом. Мне нравятся мыши. Теплые мышki в мягкой шубке. Они долго разговаривали — я успел отловить аж троих. Две сразу же умерли, так что я их выбросил, а третью сунул в карман. Хорошая была мышка, я гладил ее в кармане. А потом она тоже умерла.

Я выкинул ее, пока Мирко ничего не заметил. Ему не так нравились пушистые шерстки, как мне, но он явно с удовольствием болтал с той танцовщицей. Потом я вытянул из него, что они сидели наверху при задернутых шторах и говорили о птицах, пчелах и цветах. Представляешь? Я даже пожалел, что меня с ними не было!

У пчел тоже есть своего рода шерстка, замечала? Я один раз пробовал погладить пчелу, когда та села на подсолнух. Но она меня ужалила, а потом умерла. Сама. Бум. Прямо на подсолнухе. Я не виноват.

Хотел бы я знать, от чего она умерла.

Не могу себе представить, чтобы я умер в темном кармане. Или лежа на сеновале, громко крича. И уж точно не на солнцепеке посреди проселочной дороги. Наверное, не так уж плохо умереть в большом желтом подсолнухе. Или в блестящей на послеполуденном солнце реке.

Эй, я тут вспомнил, у меня есть для тебя подарок. Он у меня в кармане... Смотри, это сердечко! Это сердечко той девушки. Она носила его на цепочке на шее, но цепочка лопнула, когда я до нее дотронулся. Как шея. Посмотри, как оно сияет, это крошечное сердечко. Мирко однажды сказал, что вы, вороны, любите блестящие вещи, так что я подумал отдать его тебе. Мне взамен ничего не нужно, только пообещай остаться со мной, пока не придет Мирко. Сейчас я его тебе брошу... Видишь? Оно упало куда-то в траву под твоей веткой.

Вот бы ты прилетела сюда, чтобы я мог тебя погладить. А если бы ты еще и говорить умела... Рассказала бы мне, как летать! Шмель совершенно не умеет летать, ты знала? А все равно ведь летает. И животные не умеют говорить.

А может, ты все-таки умеешь?

Я думаю, ты бы красиво говорила. Не то что парни, с которыми мы работаем. Сезонные рабочие не очень сдержанны в выражениях, в отличие от нас с Мирко. Мы умеем говорить красиво. Нам обязательно это уметь — так считает Мирко. Вообще, когда мне наконец-то разрешают открыть рот, от этого одни неприятности. Как сейчас. Можно говорить с животными, говорит Мирко. Тогда ничего не случится. И с Мирко. В остальное время мне лучше помалкивать.

Вместо этого я размышляю. Когда начинаешь думать, находится много тем. Например, мне хотелось бы знать, как шмелю удастся летать, если у него такие крохотные крылышки по сравнению с тельцем. И почему у девушек не бывает кустистых бровей.

Не то чтобы я становлюсь умнее от того, что столько думаю. Меня просто переполняют мысли. И вопросы! Мирко предупредил, чтобы я никого ни о чем не спрашивал, пока мы на работе.

— Додо, послушай, — говорил он, — мы обсудим все, о чем ты думаешь, когда останемся наедине. Тогда мы ни во что не вляпаемся.

Но может пройти немало времени, пока мы сможем остаться наедине, потому что мы трудимся целый день, окруженные другими рабочими, а потом все вместе и едим, и спим. Мы почти всегда в каком-нибудь бараке, где все видно и слышно каждое слово. Поэтому я говорю только «да», «нет», «конечно», «пожалуйста» и «извините», а в голове у меня бьются вопросы и мысли, которые я не хочу забывать. Постоянно боюсь забыть то, что хочу запомнить, а Мирко считает, что гораздо хуже помнить то, что хотелось бы забыть.

Когда мы наконец остаемся одни, я не могу решить, с чего начать. Особенно если в этот момент мне в глаза бросается что-то еще, о чем тоже непременно надо поговорить. И так происходит очень часто. У меня голова словно закипает, и все мысли сливаются в один большой горячий поток, рвущийся наружу. Иногда я начинаю плакать. Когда слезы кончаются, поток иссякает, и мысли корчатся на песке, как мелкие глупые рыбешки, — нет смысла даже их подбирать, не говоря уж о том, чтобы о чем-то спрашивать.

Но я обычно все равно спрашиваю.

Все это очень тяжело. Я выносливый и не устаю, хотя мне всегда дают самую тяжелую работу. Но вот размышления жутко утомляют. У Мирко это гораздо лучше получается. Еще он говорит, что впечатления — это как еда. Когда глотаешь еду сразу, не различаешь вкусы. А если будешь тщательно пережевывать, то заметишь разные оттенки. Тогда не только наедаешься, но и становишься умнее.

— А теперь обдумай вот что, — часто говорит он. — Я не против, чтобы ты задавал мне вопросы, Додо. Но

прежде чем спрашивать, надо дать мыслям время сформироваться и встать на свои места. Может выйти так, что ты сам себе ответишь. А если нет — возможно, твои вопросы окажутся намного мудрее полученных ответов.

Я стараюсь слушаться Мирко, но все равно то и дело спрашиваю, не подумав. Как правило, он отвечает, и мне всегда кажется, что ответ мудрее вопроса. Бывает так, что никаких ответов он не дает, а вместо этого смотрит на меня своими синими-синими глазами, и взгляд его говорит: «Думай, Додо, думай!» И я пытаюсь.

Сейчас я дошел до того, что шмель, должно быть, особенно быстро машет своими крошечными крылышками. Но я все равно не понимаю, почему у девушек не бывает кустистых бровей!

Об этом надо еще поразмышлять.

В женщинах Мирко разбирается гораздо лучше меня. Особенно в девушках. Вот что случилось несколько недель назад на той ферме, где мы сейчас работаем: девушка зашла на конюшню и спросила, не хочет ли Мирко прогуляться вечером.

— Можно пройтись вдоль реки, — сказала она.

Кажется, она не заметила, что я сидел неподалеку и все слышал. Или ей было все равно. Мирко потом сказал, что она как раз из таких — кому все равно. От этого только опаснее. Об этом следует сегодня подумать — что она была опасна.

Так вот, я видел, что Мирко тщательно обдумал предложение и только потом ответил девушке:

— Я не господин своих желаний. Я работаю на вашего отца, и если я соглашусь, это может навлечь большие неприятности. Нам с приятелем не хотелось бы, чтобы нас выставили за ворота или еще чего похуже. Вы же это понимаете? Уже то, что вы здесь стоите и говори-

те с нами, может нам дорого стоить. Представьте себе, что произойдет, если вдруг один из ваших братьев услышит ваши речи.

Так он ответил. Он всегда очень вежлив.

— Невероятно, — ответила девушка. У нее был голос крошечного хриплого зверька. — Почему не развлечься немного, когда предоставляется такая возможность? Я скоро с ума сойду от здешней жизни. Я уже не ребенок, и все равно мне ничего не разрешают! Нельзя даже выйти из дома без присмотра. Да я все равно что в тюрьме. Я так помру со скуки!

Она едва не брызгала слюной.

Потом она резко развернулась и вылетела из конюшни, задрав нос. Рот ее превратился в крошечный красный венчик. Губы казались удивительно мягкими. Груды тоже были округлыми и мягкими и слегка подсакивали в вырезе платья в такт шагам. На это я обратил внимание. Мирко рассказал мне однажды, что иногда в груди у женщины может быть много молока, но незачем слишком много о таком думать.

Должен признаться, непросто не думать о том, о чем не следует думать слишком много! Особенно когда это что-то мягкое, упругое и полное молока. Получается, женщины — своего рода коровы, только у них между ног ничего не болтается.

Когда я позднее спросил Мирко, почему он отказался прогуляться с ней вдоль реки, он ответил какую-то чушь.

— Она же не этого хотела, Додо. Она хотела со мной на сеновал. А на это я не согласен.

Тогда я усвоил, что женщины разговаривают на языке, непохожем на мужской. Либо они просто глупые, раз не могут прямо сказать, чего хотят. Она же могла сразу предложить пойти на сеновал!